

Меган Хорхенсен КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА ИСТИНА

Книга первая. Честь смолоду!

*«Записки
несумасшедшего».*

Л. Н. Толстой.

*Дневники. 30 марта
1884 года.*

От издателя

Предлагаемая вниманию читателей рукопись была обнаружена во время строительства жилого дома в приволжском городке N. Рабочие, рывшие котлован для фундамента, наткнулись на давно заброшенный старинный погреб, в котором среди запыленных бутылей и банок с наливками, соленьями и копчениями (впрочем, безнадежно испорченными), обнаружили и завернутые в промасленный холст бумаги.

Сотрудники местного краеведческого музея подтвердили, что на этом месте находилась усадьба, принадлежавшая семейству Гриневых —

мелкопоместных дворян. Один из владельцев усадьбы — Петр Гринев — в молодости проходил по пугачевскому делу. Сама же усадьба сгорела в революционные времена.

В музее хранятся записки девицы Марины Остужевой (не представляющие широкого интереса), в коих рассказывается, как в начале 19 века местный помещик Петр Гринев выкупил у заезжего человека некую рукопись, потратив на то огромные деньги. Человек, продавший ему рукопись, пропил часть денег в местных кабаках, где спьяну проговорился, что в бумагах речь идет о делах, которые, будучи преданными огласке, могут разрушить фамилию Гринева. Себя же этот человек называл тюремным офицером в отставке. По словам девицы Остужевой, человек этот затем неожиданно исчез, а куда делся — неведомо.

К удивлению жителей городка, Гринев рукопись не уничтожил, а продал некоему издателю Белкину, о чем и была сделана нотариальная запись. Запись сия чудом сохранилась и находится в том же музее. Белкин же, в свою очередь, уступил записки А. С. Пушкину. При публикации же выяснилось, что ничего зазорного для Гриневых в рукописи не было, наоборот...

Известно, что Гринев продал текст Белкину как оригинальный, а в городке поговаривали, что он, несомненно, подделал текст, проданный ему

тюремным офицером.

Находка оригинального манускрипта позволяет сделать вывод о том, что на самом деле Петр Гринев не просто рукопись переработал, но решительно изменил саму её суть. Из текста явствует, что автором мемуаров является Швабрин, а не Гринев. Сделаны же записи были в заточении, где и попали в руки вышеупомянутому тюремщику, который и распорядился ими по-своему.

Не остается сомнений в том, что А. С. Пушкин обработал и издал версию, фальсифицированную Гриневым, что не умаляет художественных достоинств произведения, коему Александр Сергеевич дал название «Капитанская дочка».

Из оригинального текста становятся ясны некоторые мотивы действий героев, а читатель получает полное объяснение непонятных до сих пор фактов. Однако оставим читателей наедине с впервые публикуемым авторским текстом.

Разбить текст на главы, добавить комментарии и вставить эпиграфы осмелился издатель.

ГЛАВА I

Армейский офицер

«Скачут...»

А. С. Пушкин.
«Евгений Онегин».
Глава 3.

Отец мой Иван Андреич Швабрин в молодости своей служил при князе Потемкине и вышел в отставку секунд-майором в 17... году. С тех пор жил он в своей Вологодской деревне, где и женился на девице Акулине Ивановне Э., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли в младенчестве. Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Камыш-Самарский полк сержантом по милости армейского майора князя Т., близкого нашего родственника. Если б паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следует о смерти не явившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуске до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Никитичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на седьмом году выучился я русской грамоте и, хоть и не мог размышлять о свойствах борзого кобеля, но о нравах дворян местных, жестокосердием среди прочих ноблей особо

отличавшихся, судить мог здраво. ¹

В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Руссо, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом книг и ежегодников. Приезд его сильно понравился Никитичу.

— Слава богу, — ворчал он про себя, — дитя умыт, причесан, накормлен, да ведь того мало. В науках прилежен, но надобно и мосье нанять; слаб я становлюсь — боюсь, не сдюжу, и из Алеши человека не выйдет без европейского воспитания.

Руссо в отечестве своем слыл литератором; он отдан был в солдаты за вольнодумство, потом приехал в Россию pour etre outchitel, верно понимая значение этого слова и стремясь сеять в душах отроческих семена свободомыслия, которое во французской земле глубокие корни пустило. Он был добрый малый, не ветрен, не беспутен, хотя и суров до крайности. Главною его слабостью была страсть к прекрасному слову; нередко за крамольные речи получал он выговора, от которых, впрочем, не охал по целым суткам, а по прошествии

---

¹ Несомненно, Петр Гринев не отличался литературным дарованием. Он даже не удосужился хоть немного изменить изложение истории рождения г-на Швабрина. Впрочем, у Гринева не было оснований опасаться проверки.

некоторого времени, когда провинности его забывались, продолжал свои нотации. К тому же, был он то ли братом, то ли кумом известного в те времена французского писателя, что несколько охраняло моего учителя от особых наказаний, потому как наши гонители свобод боялись прописанными быть в статейках да пьесках на потеху парижской публики.

Мы тотчас поладили, и хотя по контракту не обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, а только показывать, как вилку да нож держать, но предпочел он делу отдаться с прилежанием. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, с плачем жалуясь на мосье, не желающего обольщаться их неопытностью, но каждодневно рассказывающего им про вольности, данные Господом всем живым существам, и равенстве перед Господом холопа и помещика. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Заподозрив неладное в пристрастиях француза, он тотчас потребовал каналью к себе. Доложили, что мосье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Руссо был занят

делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене и употреблялась нами для упражнений в стратегии. Батюшка вошел в то самое время, когда я мановением руки вел на решительный приступ республиканские войска, сметавшие остатки российской императорской гвардии аж до Мыса Доброй Надежды.

Видя мои упражнения в военном деле, ярко свидетельствующие о моих антимонархических наклонностях, батюшка дернул меня за ухо, подбежал к Руссо ², толкнул его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Руссо в смятении хотел было ответить, как подобает, но не смог: несчастного француза ухватили под руки батюшкины сатрапы. Семь бед, один ответ. Революционера вытолкали из дверей и в тот же день прогнали со двора, к неописанной печали

---

² Нет сомнения, что речь идет о члене Конвента Жераре Этьене Руссо, голосовавшем за казнь Людовика и Марии Антуанетты, дальнем родственнике известного энциклопедиста; в молодости он служил учителем в российской дворянской семье, откуда его изгнали за «богопротивные речи». Он был захвачен в плен аристократами и повешен, отказавшись изменить своим республиканским убеждениям. Перед казнью он кричал здравицы в честь революции.

Никитича. Однако тем не кончилось мое воспитание. Я жил толково, не гонял голубей и не тратил времени впустую, играя в чехарду с дворовыми мальчишками, а постигал исторические, географические и иные науки с пристрастием, редко встречающимся среди молодежи.

Между тем, минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась. Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я смотрел на кипучие пенки, видя в мечтах своих вздымающуюся багрово-раскаленную волну народного гнева, которая рано или поздно должна была обрушиться на дворянско-поповское отребье. Батюшка у окна читал Придворный Календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса:

— Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...

Наконец, батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке:

— Акулина Ивановна, а сколько лет Алеше?

— Да вот пошел семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Алеша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна и когда еще...

— Добро, — прервал батюшка, — пора его в

службу. Полно ему в потешные войска играть.

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу. Я же, напротив, обрадовался — трудно описать мое восхищение! Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, о трудностях и невзгодах солдатской жизни в далекой приграничной крепости. Я мнил себя офицером армии, защитником отечества, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезда моего был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал перо и бумагу.

— Не забудь, Иван Андреич, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Т.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Алешу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка хмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Т.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Алеши.

— Ну, и что?

— Да ведь начальник Алешин — князь Т. Ведь Алеша записан в Камыш-Самарский полк,

стоящий на Яике.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Алеша в Яик не поедет. Чему научится он, служа в степях? Стрелять да рубиться? Понюхает пороху да потянет ляжку? Нет, пускай послужит он в гвардии, да с девицами знатными познается, шаматонить научится. Записан в армии! Где его паспорт? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собою на стол и начал свое письмо. Любопытство меня мучило: куда ж отправляют меня, если уж не в Яик? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец, он закончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал:

— Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Петербург служить под его начальством.

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо тяжелой полевой жизни в стороне отдаленной ожидала меня служба в постылом Петербурге. Служба, о которой за минуту до этого думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего. На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная